

УДК 82-1/-9/-312.7

ДОКУМЕНТАЛЬНОСТЬ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЁМ (на материале российской прозы 2010-х годов)

Т.Г. Прохорова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье исследуются формы документальности, выявляется характер отношения к документу в недокументальной прозе современных российских авторов. Основным материалом изучения служит жанр эпистолярного романа, активизировавшийся в последнее время. Анализ осуществляется на примере трёх произведений, ставших заметными явлениями в прозе 2010-х годов: «Письмовник» Михаила Шишкина, «Возвращение в Египет» Владимира Шарова и «Лестница Якова» Людмилы Улицкой. В работе доказано, что документальность в современной литературе зачастую не связана с установкой на достоверность. В анализируемых романах происходит размывание границ между фактуальным и фикциональным, достоверным и абсурдным, мифологическим и реальным. Обращение писателей к документальным формам не препятствует ни текстуализации реальности, ни её мифологизации, ни реализации постмодернистского принципа множественности истин, ни интеллектуальной насыщенности произведений. Форма письма, дневника, личных записок служит утверждению ценности частного опыта, свидетельствует об активизации сентименталистского дискурса. Высказывается гипотеза, что активизация документального начала и расширение его границ в современной культуре свидетельствует о преодолении постмодернизма и одновременно о трансформации его опыта, о наступлении новой постпостмодернистской эпохи.

Ключевые слова: документальность, эпистолярный роман, документальная основа, фиктивный документ, постпостмодерн, М. Шишкин, В. Шаров, Л. Улицкая

Актуализация документальных жанров, как известно, обычно происходит в кризисные, переломные эпохи, когда подрывается доверие к художественному вымыслу и обостряется интерес к факту, когда принцип «правда, ничего кроме правды» становится важнейшим жанро- и стилеобразующим фактором, определяющим характер диалога автора с читателем. Эпоха постмодерна, отличительными признаками которой являются симулятивность реальности, принцип множественности истин, восприятие мира как текста, казалось бы, не должна продуцировать развитие документальных жанров. Тем не менее сегодня можно выделить по меньшей мере три жанрово-стилевые тенденции, связанные с различными проявлениями данного начала. Прежде всего, это разнообразные формы нон-фикшн (non-fiction), активно развивающиеся в различных видах искусства: и в документальном кино, и в драме-вербатим, и в литературе, героями которой становятся документы или живые свидетельства очевидцев. В связи

с этим симптоматично, что в 2015 г. Нобелевская премия по литературе была присуждена писательнице, всё своё творчество посвятившей нон-фикшн, – Светлане Алексиевич. Одновременно в современной культуре активно проявляет себя и противоположная тенденция, с которой связан феномен мокьюментари (*mockumentary*)¹, предполагающий сознательную ориентацию на симуляцию, фальсификацию, подделку под документ. Наконец, третья тенденция связана с активным использованием документа и шире – документальности как художественного приёма для реализации тех или иных авторских задач. Она обнаруживается во многих произведениях современной литературы. Об этом можно судить, в частности, по шорт-листам российских литературных премий в 2013–2015 годах, таких как «Русский Букер»², «Большая книга»³, «НОС» или «Новая словесность»⁴ («Возвращение в Панджруд» А. Волоса, «Лавр» Е. Водолазкина, «Обитель» З. Прилепина, «Харбинские мотыльки» А. Иванова, «Возвращение в Египет» В. Шарова, «Зулейха открывает глаза» Г. Яхиной и др.).

Выскажем предположение, что в новейшей российской литературе происходит нечто аналогичное тому, что уже наблюдалось в Серебряном веке, – «усталость» от вымысла» [1, с. 22]. Так или иначе следует констатировать: документальность стала знаком современной культуры, причём как в элитарной, так и в массовой её ипостасях. Но очевидно и изменение отношения к факту. Чтобы понять характер этих трансформаций, остановим своё внимание на нескольких показательных примерах. Обратимся к эпистолярному роману, который неожиданно активизировался в начале XXI в., что само по себе интересно. Рассмотрим произведения, ставшие заметными явлениями в прозе 2010-х годов, такие как: «Возвращение в Египет» В. Шарова (ВвЕ), «Письмовник» М. Шишкина (П.) и «Лестница Якова» Л. Улицкой (Л.Я.). Правда, в последнем случае эпистолярное начало охватывает не всё произведение, а только его часть, но весьма существенную. Итак, выясним, какие документальные формы востребованы в этих недокументальных произведениях и каковы их функции, с чем связано обращение современных писателей к документу.

Н.В. Логунова в своей диссертации, посвящённой эпистолярному роману XX – начала XXI в., в качестве одной из основных причин обращения к этой жанровой форме назвала «возможность максимально полно... представить вымышленное высказывание как достоверное» [2, с. 3]. Признавая справедливость этого утверждения, подчеркнём, что во всех трёх романах, которые являются материалом нашего исследования, достоверность, казалось бы, обеспечивается и подлинной документальной основой.

В «Письмовнике» М. Шишкина это события Ихэтуаньского восстания в Китае в 1898–1901 гг., в подавлении которого, наряду со странами Европы, Америки и Японии, участвовала и Россия. На встрече, организованной Н. Сикорской, писатель отмечает, что изучал документы: «...Чтобы послать моего Володю в романе “Письмовник” на войну, в Китай, мне пришлось прочитать все мемуары, все дневники русских солдат, русских офицеров, которые брали

¹ От англ. *to mock* – подделывать.

² См. раздел «Архив» на официальном сайте (<http://www.russianbooker.org>).

³ См. раздел «Итоги» на официальном сайте (<http://bigbook.ru>).

⁴ См. раздел «Архив» на официальном сайте (<http://www.prokhorovfund.ru/projects/own/108/>).

Пекин во время Боксёрского восстания» [3]. Своего героя он отправляет на мало кому известную в нашей стране войну. Но автор не случайно обращается не просто к малоизвестным, но кажущимся почти фантастическими событиям прошлого. Для Шишкина достоверность, фактуальность не является определяющей жанровой и стилиевой установкой.

То же самое можно сказать и о В. Шарове. Он кандидат исторических наук и в своих произведениях тоже активно использует документы, исторические свидетельства. Однако Шарову, как уже не раз отмечалось исследователями, присуще философское осмысление истории с позиции исторической альтернативы (подробнее см. [4–6]). По выражению И.В. Ащеуловой, в его произведениях «событие, документально подтверждённое, только отправная точка повествования, а фокусом изображённой реальности становятся идеи, определившие эти события...» [4, с. 92]. В романе «Возвращение в Египет», где рассказывается о судьбе рода Гоголей в XX в., таким началом являются документы, связанные с биографией и творчеством великого писателя, с судьбами его потомков.

Наконец, в основе романа-притчи Л. Улицкой тоже лежит документ, правда, другого рода, чем у Шишкина и Шарова. Писательница даже включила в свою книгу специальную пометку: «В этой истории использованы фрагменты писем из семейного архива и выписки из дела Якова Улицкого (Архив КГБ № 2160)» (Л.Я., с. 725), то есть речь идёт о её деде. Однако и здесь автобиографическая основа служит лишь неким стартом, а фокус перемещается в иную плоскость, не связанную напрямую с документом.

Документальность как форма, как приём активно используется писателями. В текст каждого из рассматриваемых произведений включены фиктивные бумаги. Помимо писем (так, у Улицкой и у Шарова они представлены именно в качестве неожиданно обнаруженных документов, в первом случае – из семейного архива, во втором – из Народного архива⁵), общим для всех трёх романов является обращение к форме дневника. У Шишкина сами письма героев во многом напоминают интимный дневник, у Улицкой и Шарова это дневники, которые ведут участники переписки. Причём в романе «Возвращение в Египет» это не просто личный дневник, а конспект бурных обсуждений традиционных семейных спектаклей по пьесе «Ревизор», которые ставились потомками Гоголя в его имени. Кроме того, каждый из авторов включает в текст и какие-то специфические фиктивные документы. Л. Улицкая в виде приложения к роману поместила «Генеалогическое древо семьи Осецких» – главных героев произведения (Л.Я., с. 730). В Шаров использует такую редкую для литературы документальную форму, как синопсис, в котором излагается новая версия второй и третьей частей «Мёртвых душ». А в романе М. Шишкина как фиктивные документы представлены фрагменты из газетных статей (П., с. 10), листовки (П., с. 105), воинские приказы (П., с. 77–79).

Обращаясь к документальным формам, каждый из авторов, разумеется, преследует свою цель. «Письмовник» представляет собой переписку двух влюблённых, но при всей интимности, камерности, сентиментальности это произведение Шишкина фактически является философским романом о жизни,

⁵ <http://nffedorov.ru/na-nca/na/na.html/>.

смерти, бессмертия. Письма становятся для героев способом осмысления обретенного духовного опыта, позволяющего соединить время и вечность, поэтому всё, что связано с конкретно-историческим фактом, как правило, обнаруживает свою несостоятельность. Вот героиня читает «Вечёрку»: «Новости всё те же. Иных зарезали, а тех стоптали» (П., с. 361). А вот герой пишет с войны: «Помню, читаю в Гамлете: “Распалась связь времён”. Знаешь, о чём на самом деле писал Шекспир? О том, что эта связь восстановится, когда мы снова встретимся и я положу тебе голову на колени» (П., с. 358–359).

Неудивительно, что в военных главах Шишкин стремится не столько к документальной точности изображённого, сколько к созданию архетипического образа войны как воплощения жестокости и насилия. Стремясь уйти от реалистической достоверности, автор намеренно абсурдизирует художественную реальность. И фиктивный документ в данном случае выполняет именно эту задачу. Так, в приказе, обращённом к отправляющимся в Китай войскам, нарушается главный принцип этого военного документа – удовлетворять условию обязательности, а потому быть непротиворечивым в плане как содержания, так и формы.

Следует сказать, что в романе Шишкина приказ не просто содержит взаимоисключающие установки (призывы и к соблюдению законов милосердия (П., с. 77), и к безжалостному уничтожению мирного населения, всей этой «мрази» (П., с. 79)), но и в стилизовом отношении напоминает некое вавилонское смешение языков. В частности, императивные высказывания то перемежаются с цитатами из песни «Случайный вальс» на стихи Е. Долматовского⁶, то вплетаются в разговорно-сказочный дискурс: «Сперва пойдём по дружественному нам царству попа Ивана, о чём великом могуществе говорит весь свет» (П., с. 75). Подобное преподнесение документа как сюрреального связано у Шишкина с подчёркнутой условностью повествования, что в целом характерно для постмодернистского текста.

Произведения Шарова и Улицкой построены иначе. В отличие от камерного «Письмовника», в котором время не играет существенной роли, в романах «Возвращение в Египет» и «Лестница Якова» даётся чрезвычайно широкий временной и пространственный охват. У Шарова представлена российская история XX в. с «заходом» в XIX в., а у Улицкой показаны события, происходящие в России и в Америке с начала XX в. и вплоть до XXI в. В каждом из этих произведений героями являются члены большой семьи, несколько поколений, переживших периоды исторических катастроф и потрясений, сталинских репрессий и всевозможных гонений на инакомыслие в иные времена. Но это два совершенно разных типа семейной хроники.

Героями романа В. Шарова являются потомки Н.В. Гоголя, одержимые утопической идеей дописать «Мёртвые души», чтобы, осуществив прерванный замысел, изменить мир к лучшему. Соответственно, основными «опордержателями» жанровыми доминантами здесь являются филологическая и историософская. «Возвращение в Египет» представляет собой переписку троюродного правнука и полного тёзки великого писателя – Николая Васильевича Гоголя (Второго) со своей многочисленной роднёй, их друзьями и близкими, стремящимися помочь

⁶ <http://a-pesni.org/ww2/oficial/slutchajnavals.htm/>.

ему в осуществлении грандиозного замысла. Ещё в 12-летнем возрасте мать поставила перед Колей Гоголем жизненную задачу написать продолжение «Мёртвых душ». А поскольку «Ад Николаем Васильевичем уже написан», Гоголь Второй должен был довести сюжет через «Чистилище» до «Рая» (ВвЕ, с. 143). Мать верила, что «если бы Николай Васильевич в своё время завершил поэму, нам бы не пришлось пройти через то, что и врагу не пожелаешь. <...> жизнь, объясняла... она, делается невозможна, если мы смиримся, что в ней есть лишь ад...» (ВвЕ, с. 143).

В романе Шарова семейная история, личный опыт героев смыкается с опытом историческим и духовно-провиденциальным. Писатель недаром дал своему произведению подзаголовок «Выбранные места из переписки Николая Васильевича Гоголя (Второго)». Как известно, публицистический сборник «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847) открывает читателю Гоголя-проповедника. В «Возвращении в Египет» практически все участники переписки поглощены задачей спасения нации. Миссионерская роль переходит от одного героя к другому: это и мать Коли Гоголя, и режиссёр семейных спектаклей по пьесе «Ревизор» в 1915 и 1916 годах Белецкий, и духовный наставник Николая Гоголя (Второго) на последнем этапе его жизни Капралов, и, конечно, сам Николай Васильевич Гоголь (Второй).

Заглавие «Возвращение в Египет» указывает на то, что гоголевский сюжет переплетается в романе с ветхозаветным сюжетом книги Исход (Исх. 13: 17–18: 27). Их объединяет мотив повторяемости. «Деяние обретает смысл исключительно в том случае, когда оно повторяет изначальное, образцовое действие», – пишет М. Элиаде, выделяя повторяемость как характерную особенность традиционного мифологического сознания [7, с. 36]. По справедливому наблюдению В. Баль, герои Шарова, мифологизируя образ великого классика, приписывают ему это «изначальное, образцовое действие» и выявляют в нём и его героях «ген Моисея, который выступает символом спасителя своего народа из духовного рабства» [5, с. 13]. В этой же роли фактически выступает и Гоголь Второй.

Повторяемость как особенность мифологического сознания объясняет, почему в романе Шарова в выявлении логики истории концептуальное значение приобретает принцип палиндрома. В одном из писем рассказывается о человеке, который получил лагерный срок за увлечение палиндромами. Сам он вначале воспринимал это как игру, но «брошенный вскользь намёк следователя помог Исакиеву прийти к выводу, что освобождение крестьян при Александре II и наша революция есть Исход и Возвращение в Египет. Путь оттуда и путь туда всегда через Красное море, и дело милости Божьей, а то и случая, кто – евреи, или египтяне, или и те и другие погибнут...» (ВвЕ, с. 132). Возвращение в Египет, то есть к исходной точке, говорит о невозможности обрести духовную свободу. Неудивительно, что финал жизни Гоголя Второго печален. Он, как и его великий предшественник, умер, осознав невозможность осуществить свой великий замысел.

Романы Шишкина и Шарова связывает тема слова. Но если герои «Письмовника» фактически существуют в мире как текст, для них хронотоп писем и есть единственная подлинная реальность, то у Шарова сюжетобразующей становится скорее модернистская жизнестроительная идея, основанная на лите-

ратуроцентризме, и весь массив документальных материалов работает на эту идею. Однако сюжет романа связан с её крушением, что вполне закономерно, поскольку писательская стратегия строится здесь на взаимодействии модернистского и реалистического дискурсов.

Роман Л. Улицкой «Лестница Якова» написан в реалистическом ключе. Как уже отмечалось, переписка в данном случае организует лишь часть повествования. В основном это переписка Якова Осецкого с женой, которая длилась 25 лет. Она была прервана по решению Маруси, которая не выдержала испытания разлукой: её муж провёл в армии, лагерях и ссылках большую часть своей жизни.

В своём романе Улицкая, как и Шаров, идёт не от истории к человеку, а от человека к истории. В создании образа времени она прежде всего акцентирует внимание на его духовной атмосфере, будь то начало XX в., сталинская эпоха, «оттепель», «застой», горбачёвская перестройка или начало XXI в. Роман пестрит именами композиторов, музыкантов, философов, людей театра, учёных; впечатлениями от концертов, описаниями процесса создания спектаклей, комментариями к прочитанным книгам и т. п. Ключевыми фигурами в произведении являются человек книги Яков Осецкий и его внучка Нора – театральная художница. При жизни им так и не довелось узнать друг друга. Тем не менее «Лестница Якова», как и «Письмовник» М. Шишкина, – это роман об обретении связи, которой не может помешать не только «невстреча» героев, но и сама смерть. Недаром, в письмах Якова Осецкого и в творческих исканиях Норы возникает один и тот же сюжет, связанный со сходной трактовкой шекспировского короля Лира, согласно которой он, освобождаясь от всего ненужного, постепенно преобразуется и молодеет. Весь путь Якова Осецкого, как и его внучки Норы, – по сути, путь освобождения от ненужного. В контексте такой трактовки символично, что одна из заключительных глав (49-я) называется «Рождение нового Якова».

В произведении Улицкой, как у Шарова, значим мотив повтора, хотя он выполняет здесь иную функцию: то, что не удалось осуществить одним представителям рода, воплощается на новом витке семейной истории. Яков Осецкий верил, что их любовь с Марусей будет вечной. В одном из его писем есть такое признание: «Я люблю тебя, Маруня, и в 50 лет так же крепко буду любить и обнимать. Я думал о том, что для любящих супругов нет предела в любви и что до самого конца общей жизненной дороги духовная близость может поддерживаться физической» (Л.Я., с. 411).

По отношению к Якову и Марусе предсказание не сбылось, зато оно буквально реализовалось в сюжетной линии матери Норы Амалии и её второго мужа Андрея Ивановича. Судьба Норы в общих чертах повторяет судьбу Якова Осецкого. И тому, и другому присуще восприятие действительности либо сквозь призму книги, либо сквозь призму сцены, рисунка. Для Якова именно мир культуры становится тем барьером, который позволил ему не просто выжить в ссылках и лагерях, но сохранить способность любить и прощать, чувство собственного достоинства и человечность. То же самое, с поправкой на время, можно сказать о Норе, которой выпало жить уже в постсталинскую эпоху.

Книге Улицкой, как и романам Шишкина и Шарова, свойственна фрагментарность, нарушение хронологической последовательности, нелинейность сюжета,

что не мешает их художественной целостности, определяющейся чёткой авторской концепцией. Основная идея романа Улицкой в метафорической форме воплощена в заглавии. Лестница Иакова – важнейший библейский символ, выражающий связь Неба и Земли (Быт. 28: 12–16). Интересно, что мы встречаем его и у Шарова. Но если в романе «Возвращение в Египет» по этой лестнице спускается Гоголь, поскольку в мифологизированном сознании героев именно он соединяет два мира, то у Улицкой по ней вознеслись обычные люди. Лестница помогла им, не нашедшим понимания на земле, обрести покой и счастье. Именно такая трактовка даётся в эпилоге романа: «Старый Яков в нездешних библиотеках читает нездешние книги, слушает нездешнюю музыку. Маленький Яков учится читать, трогает клавиши и прислушивается к ясным звукам. Маруся полностью обрела себя... Она движется вместе с тенями и звуками, и это счастье» (Л.Я., с. 723). Он напоминает финал 32-й главы «Прощение и вечный приют» знаменитого булгаковской романа «Мастер и Маргарита»⁷, где главные герои обретают, наконец, свой «вечный дом», в котором тоже звучит музыка, куда приходят лишь те, кого здесь любят. Как и в романе М.А. Булгакова, герои Улицкой получают в «нездешнем» мире в награду за свои земные страдания возможность наслаждаться тем, чего им «не давали в жизни».

Итак, рассмотренные нами произведения 2010-х годов позволяют констатировать, что документальность в современной литературе отнюдь не обязательно связана с установкой на достоверность. Обращение к документальным формам не противоречит ни текстуализации реальности, ни её мифологизации, ни столкновению разных правд, ни проявлению сентиментального дискурса. Форма письма, дневника, личных записок как раз служит способом выражения ценности частного опыта, воплощением гуманистической идеи.

В заключение вспомним известное высказывание В.Г. Белинского: «Если есть идеи времени, то есть и формы времени» [8, с. 131]. Идя от анализа формы к характеристике времени, выскажем предположение, что активизация документального начала и одновременно расширение его границ в современной культуре является одним из признаков новой – постпостмодернистской эпохи, когда происходит преодоление постмодернизма и одновременно обогащение его опытом.

Источники

- Л.Я. – *Улицкая Л.* Лестница Якова. – М.: АСТ: ред. Елены Шубиной, 2015. – 731 с.
ВВЕ – *Шаров В.* Возвращение в Египет. – М.: АСТ, 2013. – 759 с.
П. – *Шишкин М.* Письмовник. – М.: АСТ: Астрель, 2012. – 412 с.

Литература

1. *Крылов В.Н.* «Усталость» от вымысла, или О синтезе художественного и документального в литературе Серебряного века // *Филология и культура*. – 2012. – № 4. – С. 22–25.
2. *Логунова Н.В.* Русская эпистолярная проза XX – начала XXI века: эволюция жанра и художественного дискурса: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2011. – 45 с.

⁷ <http://masterimargo.ru/book-32.html/>.

3. Михаил Шишкин: «Только когда вам заткнут рот, вы поймёте, что такое воздух» (Как живётся русскому писателю в тонущей Европе). – URL: http://www.colta.ru/articles/swiss_made/1544, свободный.
4. *Ащеулова И.В.* Историческая проза В. Шарова в контексте русской исторической прозы второй половины XX – начала XXI в. // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2013. – № 1. – С. 80–91.
5. *Баль В.Ю.* Гоголевская традиция в контексте ветхозаветного сюжета «исхода» в романе В. Шарова «Возвращение в Египет» // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2014. – № 383. – С. 13–20.
6. *Breeva T.N.* Conceptualisation of history in V. Sharov's novel "Before and at the time" // J. Lang. Lit. – 2014. – V. 5, No 3. – P. 115–120.
7. *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении: Архетипы и повторяемость / Пер. с фр. Е. Морозовой, Е. Мурашкинцевой. – СПб.: Алетейя, 1998. – 249 с.
8. *Белинский В.Г.* О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород») // Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу. – М.: Современник, 1988. – С. 114–163.

Поступила в редакцию
15.05.16

Прохорова Татьяна Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: tatprohorova@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 1, pp. 184–192

Realism as an Artistic Technique
(Based on the Materials of Russian Prose of the 2010s)

N.G. Prokhorova

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: tatprohorova@yandex.ru

Received May 15, 2016

Abstract

The relevance of this study is determined by the fact that documentary elements have become a sign of modern culture, both elite and mass. The subject under consideration is the genre of epistolary novel, which has intensely developed recently in modern literature. The purpose of the study is to identify the forms of documentary elements, as well as the nature of treatment of the document in the works by contemporary Russian authors. The paper examines the novels characterized by different aesthetic and genre specifics ("The Light and the Dark" by M. Shishkin, "Return to Egypt" by V. Sharov, and "Jacob's Ladder" by L. Ulitskaya), which have become the noticeable phenomena in the Russian literature of the 2010s. The novelty of the research is defined by the literary material and the chosen aspect of study.

All the analyzed non-documentary novels are based on the authentic documentary basis, since each of the authors introduces various fictitious documents: letters, diaries, military orders, leaflets, excerpts from newspapers, “family tree”, and synopsis. The paper examines the blurring of the boundaries between the factual and the fictional, the authentic and the absurd, the mythological and the real. It has been proved that the documentary is not necessarily associated with the orientation towards authenticity. The appeal of the writers to documentary forms does not prevent them from textualization of the reality or its mythologization, implementation of the post-modern principle of multiple truths and intellectual richness of the works. The form of letters, diaries, and personal notes is a way of upholding the value of private experience and testifies to the intensification of the sentimental discourse in the literature.

The most important conclusion is that the activation of the documentary and the expansion of its boundaries in contemporary culture testifies to the overcoming of postmodernism and transformation of its experience, as well as the advent of a new postmodern era. The obtained results are essential for understanding the changes that occur in the contemporary literary process.

Keywords: documentary, epistolary novel, documentary elements, fictitious document, post-postmodern, M. Shishkin, V. Sharov, L. Ulitskaya

References

1. Krylov V.N. “Fatigue” on imagination or synthesis of fiction and nonfiction in the Russian literature of the Silver Age. *Philology and Culture*, 2012, no. 4, pp. 22–25. (In Russian)
2. Logunova N.V. Russian epistolary prose of the 20th – early 21st centuries: Genre and artistic discourse evolution. *Extended Abstract of Doct. Philol. Sci. Diss.* Moscow, 2011. 45 p. (In Russian)
3. Mikhail Shishkin: “Only when your mouth is stopped, you will understand what breathing is” (How the Russian writer lives in the sinking Europe). Available at: http://www.colta.ru/articles/swiss_made/1544.
4. Ashcheulova I.V. Historical prose of V. Sharov in the context of Russian historical prose of the second half of the 20th – early 21st centuries. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Filologiya*, 2013, no. 1, pp. 80–91. (In Russian)
5. Bal’ V.Yu. Gogol tradition in the context of the Old Testament story of the exodus in the novel “Return to Egypt” by V. Sharov. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2014, no. 383, pp. 13–20. (In Russian)
6. Breeva T.N. Conceptualisation of history in V. Sharov’s novel “Before and at the Time”. *Journal of Language and Literature*, 2014, vol. 5, no. 3, pp. 115–120.
7. Eliade M. The Myth on the Enteral Return. Archetypes and Repetition. St. Petersburg, Aleteiya, 1998. 249 p. (In Russian).
8. Belinsky V.G. A Look at Russian Literature. *O russkoi povesti i povestyakh g. Gogolya (“Arabeski” i “Mirgorod”)* [On Russian Story and Gogol’s Stories (“Arabesques” and “Mirgorod”)]. Moscow, Sovremennik, 1988, pp. 114–163. (In Russian)

Для цитирования: Прохорова Т.Г. Документальность как художественный приём (на материале российской прозы 2010-х годов) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 1. – С. 184–192.

For citation: Prokhorova T.G. Realism as an artistic technique (based on the material of Russian prose of the 2010s). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 1, pp. 184–192. (In Russian)